

Ю.П. Гусев

Поэзия здесь и сейчас

Аннотация: Автор считает, что русская поэзия, которая в настоящее время находится далеко не на первом плане, на самом деле не умирает, а уходит в «песок» Интернета. На материале сайта Стихи.ру он показывает, как меняется состояние и бытование поэзии в современном мире: она развивается спонтанно, свободно, бесконтрольно, но зато и не подавляется редакционно-редакторским диктатом. В ней зарождаются новые механизмы самоочищения, отбора; самоорганизация поэтической энергии, убежден автор, постепенно ведет к новому подъему. Важно, что определяющую роль в ней играет – и, видимо, еще долго будет играть – пушкинско-блоковско-ахматовская традиция, которая в основном не приемлет верлибра. Высокое качество лучшей части этой поэзии автор иллюстрирует на материале двух сборников «стихирских» авторов.

Ключевые слова: Интернет, современная русская поэзия, традиции русской классики, верлибр, лирика, трагизм

Abstract: The author believes that Russian poetry, which is currently not in the foreground, is not really dying, and goes to the «sand» of the Internet. On the material of site Stihi.ru authors shows, how the state and the existing of poetry in the modern world: it develops spontaneously, freely, without control, but not overwhelming editorial and editorial dictate. It produces new mechanisms of self-purification, screening, self-organization of the poetic power, the author is convinced that gradually leads to a new upsurge. It is important that the decisive role it plays – and, apparently, it will still be playing – Pushkin and Blok, Akhmatova's a tradition that basically does not accept vers libre. High quality the better part of this poetry author shows on the material of the two collections «stihirskih» authors.

Key words: Internet, modern russian poetry, russian classical tradition, vers libre, lyric poetry, tragedy

Подмывает начать эту статью какой-нибудь эффектной благоглупостью вроде: «Русская поэзия будет прирастать провинцией». Правда же, чушь? Эпоха Интернета еще только-только (у нас) началась, а разница между сто-

лицей (столицами) и «провинцией» уже практически исчезла – во всяком случае, о поэзии это можно сказать с уверенностью.

А насчет поэзии как таковой, насчет ее «прироста»?

Ситуация тут, на первый, да и на второй взгляд, не слишком мажорная.

При том, что поэзия в иерархии родов литературы занимает высшую ступень (многое можно было бы об этом сказать, но рассуждения такого рода уведут далеко от предмета статьи), при том, что в истории русской словесности поэзия – возьмем лишь XX век – продемонстрировала несколько поразительных, по высоте, силе и разнообразию, взлетов, – сейчас как будто совсем не ее час. Нет гигантов, кумиров; читающая публика (которая и вообще-то, кажется, скукожилась до минимума), если за чем-то и ходит в книжные магазины, то вовсе не за поэтическими сборниками. В критике и литературоведении все реже заходит речь о поэзии – разве что о великих поэтах, которые все более становятся прошлым, историей. Да и аппарат современного литературоведения, особенно в его модной, постструктуралистской ветви, очень мало приспособлен для анализа, объяснения поэзии: как объяснить всеми этими нарративами и хронотопами «перья страуса склоненные» и даже «синий троллейбус, последний, случайный»? (Не многозначительно ли, что и Бахтин в своих разработках методологии и терминологии литературоведческой науки совсем не касался поэзии?)

Значит ли это, что поэзия – на время ли, навсегда ли – сошла со сцены?

Я убежден, что нет. Более того, у меня крепнет ощущение, что мы находимся на пороге очередного взлета, очередного Серебряного века; правда, следом за Золотым и Серебряным должен бы, видимо, наступить век Бронзовый, ну, или, по крайней мере, Мельхиоровый, – но суть-то в том, что – взлет.

С чего вдруг, спросите вы. После всего того, что было сказано?

Да, после всего того, что было сказано. И ключевое слово здесь опять же будет – Интернет.

Рассуждать о том, как Интернет меняет нашу жизнь, наше (здесь уместно употребить высокое слово) бытие, как преобразует характер и стиль человеческого общения, как втягивает, всасывает в себя самые различные сферы духовной и даже не очень духовной (например, политика) деятельности, можно было бы долго. Но опять же – это не моя тема.

Моя тема – поэзия. И если в других случаях можно спорить, то в случае поэзии тенденция, мне кажется, очевидна. И тенденция эта в том, что поэзия не умирает, а, словно вода в песок, уходит в Интернет. И там, в песке – или, может быть, лучше сказать: в джунглях – Интернета живет интенсивной жизнью.

Объяснить это представляется нетрудным. Интернет и поэзия словно созданы друг для друга. Во-первых, поэзия – это сейчас главным образом стихотворения, малый жанр, т. е. короткие тексты, которые легко набить на клавиатуре и, что немаловажно, легко прочесть, воспринять целиком. (Что каса-

ется больших, особенно прозаических текстов, их – кажется, даже молодежи – трудно читать с экрана. По себе знаю: приходится текст выводить на бумагу, иначе – ну, не идет и все тут.) Недаром Интернет – это сейчас разгул реплик, комментариев (*коментов*), коротких, в несколько слов или строчек, заметок, высказываний. Стихотворения в этом отношении – удобный материал для компьютера.

Во-вторых, Интернет – оптимальная форма выражения для тех, в ком есть, говоря высоким стилем, потребность поэтического творчества, а говоря слогом низким, зуд стихоплетства. Думаю, каждый, кто хотя бы бегло соприкасался со стихотворчеством, имеет представление о том, как это трудно – опубликоваться. Собственный сборник – это вообще удел избранных; но даже публикация в журнале или в газете – какие непроходимые тут стоят фильтры! Как строги редакторы, как ничтожны лимиты! Сколько мы слышали историй о поэтах (даже великих, как выяснялось в дальнейшем), которые долго-долго посылали свои стихи и туда, и сюда; иногда случалось чудо: какой-нибудь пронизательный (или сердобольный) редактор улавливал в машинописных страницах блеск таланта и давал дорогу уже почти отчаявшемуся стихотворцу. Можно представить, сколько потенциальных поэтов, устав от бесплодных попыток пробиться к читателю, бросали это унижительное занятие: большинство – к счастью, но иные, может быть, и к несчастью для отечественной словесности.

И вдруг все изменилось. Сочинил хоть двести стихов, хоть поэму – и в тот же момент публикуй. Хоть каждый день. Хоть каждый час. О гонораре, конечно, речи нет (собственно, и раньше мало кто из поэтов творил ради гонорара), но аудитория тебе обеспечена. Причем не только отечественная: на всех континентах есть люди, воспитанные на русской культуре, и каждый из них может прочесть твоё произведение хоть через секунду после момента публикации. Никакой заботы о тираже! Никаких редакторов-корректоров!

А главное: если твои стихи чего-то стоят, то тебя обязательно заметят, обязательно выскажут тебе своё мнение (справедливое или несправедливое – другой вопрос). В этом смысле ситуация теперь куда более отрадна, чем в эпоху книжных и журнальных изданий поэзии.

Но ещё отраднее то, что Интернет, пока ещё совсем юный, не успевший институционализироваться, т. е., попросту говоря, окостенеть, проявляет динамичность, чуткость, гибкость, он **интерактивен** в самом лучшем смысле слова, он терпим (порой даже слишком, добавлю в сторону).

Одно из доказательств этого – сайт «Стихи.ру» («Stihi.ru»).

Стихи свои вы можете публиковать в интернете где угодно: в блогах, комментариях, на собственной странице (если потрудитесь её создать) и т. д. Но «Стихи.ру» – это специальная площадка для людей с поэтической жилкой или с поэтическим зудом; да что площадка – целое поле, целый континент, отведенный поэзии.

Приведу несколько цифр. Я зашел на сайт 25 марта с. г.: на тот день там значилось 489 553 зарегистрированных автора; из них в данный момент в Сети было (т. е. публиковали свои стихи или читали чужие) 1 515 человек. Дело было в середине дня; значит, это число может быть гораздо выше (например, по вечерам) или ниже (глубокой ночью). Недели за две до того дня сайт отметил круглую цифру – двадцатимиллионное произведение, опубликованное на нем; и вот, когда я записывал приведенные выше цифры, произведений было уже 20 450 150, т. е. почти на полмиллиона больше.

У сайта «Стихи.ру» есть собрат – «Проза.ру» («Prosa.ru»). Для сравнения: в тот же день на нем значилось 163 340 зарегистрированных авторов, произведений же – чуть больше трех миллионов. А ведь стихи сочинять труднее, чем писать прозу.

Подождем с восклицаниями вроде: русские – это нация поэтов! (Хотя двадцать миллионов поэтических произведений на 140 миллионов жителей России, из которых нужно вычесть, наверное, половину нерусскоязычных и процентов тридцать русскоязычных, но еле умеющих писать или представления не имеющих о литературе вообще и о поэзии в частности, да, и, разумеется, детей, – это все-таки, мне кажется, очень много.) Подождем с восторгами потому, что эти двадцать миллионов стихотворений, не прошедших редакторско-издательского фильтра, – если даже и стихи, то в основном еще **отнюдь не поэзия**. Конечно же, в значительной мере это графоманство, часто графоманство воинствующее, в сочетании с безграмотностью; или «стихи», которыми иные энтузиасты доводят до белого каления товарищей по застолю (вроде: «с днем рождения поздравляем, счастья, радости желаем»).

Но не кажется ли вам, что такое масштабное графоманство, – т. е. желание, но неумение писать стихи, – тоже о чем-то говорит?

Представим на минуту село, а то и небольшой город, где население повально малюет картины. Даже если оттуда не выйдет какой-нибудь Пиромсани – все равно ведь туда понаедут толпы искусствоведов, которые обнаружат какой-нибудь исконный-посконный наив и звучно окрестят село (город) каким-нибудь феноменом.

Согласен, аналогия не слишком удачная. Однако **массовое** желание писать стихи – оно же не зря! Оно же о чем-то свидетельствует!

Оно свидетельствует об *особом душевном настрое*.

О *поэтическом* настрое, который я не спешил бы называть особенностью русской души (уж очень она разная), а, скорее, связал бы с некой особенностью русского языка. Особенностью, которую вряд ли возможно определить, сформулировать, но которая формирует наш фольклор и, время от времени, вызывает те самые взлеты поэзии, которых только в XX веке можно насчитать по крайней мере три.

(Ни в коем случае не хочу сказать, что такой поэтический настрой – именно русская особенность. Без особого знания дела считаю, что подобной осо-

бенностью обладают, например, украинцы, грузины; с большей уверенностью, уже с некоторым знанием дела, могу сказать подобное о венграх.)

Таким образом, представляется почти несомненным, что поэзия наша все в большей степени уходит в Интернет. То есть, оставаясь важной частью духовной культуры, обретает, если можно так выразиться, статус материального бытия.

Прежде всего не могу не высказать убеждение, что факт этот вовсе не означает какого-то общего снижения качества поэзии, ее профанизации. По крайней мере, на данный момент. Видимо, на духовность, эстетические ориентиры, вкусы наших современников решающим образом повлияла великая русская поэзия двух предыдущих столетий. Плохо ли, хорошо ли, но средняя школа внедрила в нас – в сознание, в подсознание, в подкорку – понимание того, что лучше, чем эта поэзия, у нас ничего нет. И для тех, кто обладает хоть каким-то чутьем к поэтическому слову (поэтическим слухом), а тем более сам пытается рифмовать, эта поэзия – от Пушкина до Окуджавы – остается безусловной ценностью и важным ориентиром во всем, что касается жизни духа, пускай это и лежит где-то очень глубоко, едва ли не в зоне инстинктов и безусловных рефлексов.

Тот же фактор предопределенности мне видится (может быть, это субъективный взгляд) в том, что современная русская поэзия не увлеклась так называемым свободным стихом. Да, некоторые опыты в этом направлении имеются; имеются и некоторые заслуживающие внимания достижения. Однако неоспорим факт, что главное русло, в котором существует сейчас русская поэзия, – это рифмованный стих с четкой, пускай не всегда простой, ритмикой (размером).

Я что-то не встречал (допускаю: может быть, плохо искал) *графоманских* попыток писать верлибром. По-моему, это тоже показательно: значит, само представление о стихе, о поэзии для нашего сознания связано с ритмом и рифмой.

Не характерно ли, что даже самые дерзкие наши новаторы, поэты времен авангарда: Маяковский, Хлебников, – не решились (скорее всего, это им и в голову не приходило) перейти на свободный стих. Видимо, в традиционном русском стихосложении, в «пушкинском» стихе, достаточно возможностей, чтобы идти в этом русле, пока жив русский язык. И дело тут, я почти уверен, не только в мощи пушкинской традиции, усиленной и развитой Серебряным веком, а в той самой природе русского языка, о которой я уже говорил выше.

Что-то подобное пробовал высказать Константин Бальмонт, когда писал: «Я – изысканность русской медлительной речи».

К странному феномену свободного стиха можно подойти и с другой стороны. Человечество много тысяч лет вырабатывало и совершенствовало способы гармонизировать смысл и звучание словесного творчества, достигнув в этой сфере удивительных, почти магических (приходится пользоваться этим словом, потому что логический анализ тут пока бессилён) вершин. Так

есть ли резон, есть ли смысл в том, чтобы в один прекрасный момент взять и зачеркнуть, отшвырнуть то, что уже было достигнуто? Может ли надоест гармония, может ли надоест красота?..

Чтобы снова вернуться к Интернету, к интернетовской поэзии, которая живет и развивается максимально свободно, автономно, спонтанно, скажу: поэзия эта, – а, значит, русская поэзия в самом широком смысле этого слова, – следует пока, слава Богу, все той же великой, неисчерпаемой пушкинской традиции. Или, вполне можно поправиться, пушкинско-блоковско-маяковско-ахматовско-пастернаковской традиции. Исключения, если они есть, и тут подтверждают правило.

В чем же (кроме сделанного выше вывода) особенности и плюсы этой – интернетовской – поэзии?

Собственно, главная особенность и главный плюс – свобода. Авторы сайта «Стихи.ру» пишут, как хотят, выражают свою личность, свое мнение без всяких ограничений, – в книжно-бумажной поэзии это, конечно же, было немислимо. Простор для самовыражения бросается в глаза уже в пестроте псевдонимов (*ников*), под которыми выступают самодеятельные поэты. Конечно, большинство называется собственным именем и фамилией, иногда и отчеством. Но на ландшафте сайта нетрудно наткнуться и на что-нибудь экзотическое; что вы скажете, например, о таких псевдонимах, как: *Штрих-Кода*, или *Девочка С-Голубыми Глазами*, или *Людмила Без Руслана*, или *Тот Кто Рядом*? А вот такое: *Звягинуш Крася Цы*, – только текстовый анализ стихов позволит установить, мальчик это или девочка (кажется, мальчик). Но есть и благородно простые *ники*: скажем, *Галич*; или уж совсем благородно-простой: *Пушкин-Пушкин*.

Подобный же разброс, подобная же пестрота царят в тематике, интонации, поэтике произведений, в степени их обработки, отшлифованности, ну и, конечно, качества. Абсолютное отсутствие контроля в первую очередь ведет к тому, что автор может опубликовать здесь какое угодно примитивное, какое угодно сырое «произведение». И вместе с тем это не означает, что теряются или снижаются критерии качества. По той простой причине, что полная свобода творчества сочетается с полной свободой критики, оценочных суждений. То есть если вы опубликуете совсем уж дрянь, то рецензенты вас уничтожат. Или, что еще печальней – и еще действеннее, – устроят вам блокаду молчания.

Ох, как хотелось бы тут написать: дескать, и, встретив такое отношение, совсем уж безнадежные бездари исчезают, уходят с сайта, перестают «творить». Но не могу этого заявить: если бездари и уходят, то происходит это незаметно. Зато очень, очень заметно, до боли заметно, когда уходят, замолкают яркие, талантливые, необычные. Есть у меня, в моем личном поминальнике, несколько таких имен – имен в траурной рамке, – хотя я совершенно не знаю, что с ними случилось, почему они перестали писать. Авторы-то почти сплошь анонимные,

без биографии. Иной раз и возраст их неизвестен, даже приблизительно. Для авторов-женщин (их, кстати говоря, большинство на сайте, – вот об этом гендерном факте кто-нибудь задумался бы...) с большой долей вероятности можно предположить, что причиной ухода их из поэзии становится замужество, рождение детей. Мужчины, думаю, в какой-то момент чувствуют, что больше не о чем писать. Да мало ли...

Таким образом, говоря об интернетовской поэзии – на примере очень репрезентативного, но не единственного ресурса, «Стихи.ру», – можно спокойно сказать следующее. Где-то на 80, ну, может быть, на 85% – это графоманство, любительство; иными словами, тот естественный фон, контекст, «шум», который всегда окружает большие, яркие, уникальные явления, истинные таланты. Но зато в этой громадной грудке... скажем так: мусора (не хочется уже вспоминать «навозну кучу», в которой петух у Крылова нашел жемчужное зерно) – встречаются такие жемчужные зерна (тьфу ты!), такие бриллиантики, которые и внушают мне мысль о наступлении нового Серебряного века. Или, по крайней мере, заставляют не соглашаться с грустной мыслью о том, что поэзия умирает.

Поэзия – живет. И в Интернете она живет более интенсивно, более динамично, более интересно, чем в своем привычном виде: на бумаге, на страницах книг, журналов и газет.

Согласен, такое утверждение может вызвать вздох: бытие-то это – виртуальное, т. е. как бы призрачное, сиречь нереальное. Однако, если подумать, то чем экран отличается от бумажной страницы? Только тем, что он не желтеет. И, похоже, виртуальное бытие куда более долговечно, чем бумажное.

(Как известно, огромное количество записей Велимира Хлебникова, его архив, который он возил с собой в наволочке, бесследно сгинул после его смерти. Будь эти записи в виртуальном пространстве Интернета – куда бы они делись?..)

И пишущая братия медленно, но верно начинает это понимать. Конечно, большую роль здесь играет то обстоятельство, что человеку – практически независимо от степени его одаренности – крайне трудно пробиться на те самые бумажные страницы. Но осознание самоценности виртуальной публикации становится все сильнее. Что вы скажете: на *Стихи*ре (так всегда и на сайте называют «Стихи.ру») завел свою страницу по-прежнему молодой патриарх нашей поэзии Евгений Александрович Евтушенко! Найдете вы тут и мэтра поэтического перевода Евгения Витковского, и многих других признанных поэтов, для которых публикация, например, в журнале не составила бы проблемы.

Но все-таки самое отрадное, как мне представляется, то, что в пространстве Интернета, хотя бы на той же Стихире, появляются очень само-

бытные, очень талантливые, практически зрелые творческие имена – со своим голосом, со своим отточенным стилем.

Недавно я открыл для себя, например, Юрия Соловьева. Не знаю, где он живет, не знаю, какого он возраста (судя по фото, он довольно молод). Но, Господи, как он пишет о войне, о той самой, Великой Отечественной! Что-то подобное я читал давным-давно – у Окуджавы, у Слуцкого, но они-то видели войну в лицо. Юрий Соловьев о ней только слышал, однако умеет сказать о ней так проникновенно, без всякого пафоса, но и без сентиментального взрыда, – словно у него за плечами несколько лет окопов, фронта.

Но я останавливаю себя, чтобы не уйти в бесконечное перечисление удивительных, покоряющих своей непосредственностью или своим мастерством, своим тонким вкусом имен, которых очень много на Стихире. Останавливаю, потому что не могу сказать, что не пропущу какие-то значительные явления. Чтобы знать поэзию Интернета (хотя бы только на «Стихи.ру» – двадцать миллионов произведений и полмиллиона авторов!), нужно изучать ее систематически, забросив все другие дела; я такого не могу себе позволить. Да и население Стихиры едва ли так уж хорошо знает свою «страну». Чаще всего там возникают кружки, маленькие сообщества симпатизантов, которые более или менее регулярно читают и рецензируют друг друга.

Кроме таких стихийных групп, сообщество авторов на Стихи.ру структурировано и в организационном плане: там есть свой штаб, своя администрация, которая все же борется с издержками свободы. Кроме того, там проводятся конкурсы, выборы Поэта года; кажется, есть и какие-то премии. Естественно, движение тут, вокруг центра, более интенсивно.

Но главное, на мой взгляд, – это все-таки свободная атмосфера сайта как стимул развития поэзии.

Чтобы моя статья не выглядела таким уж безоблачным панегириком, должен сказать об одной довольно важной, неоднозначной стороне дела.

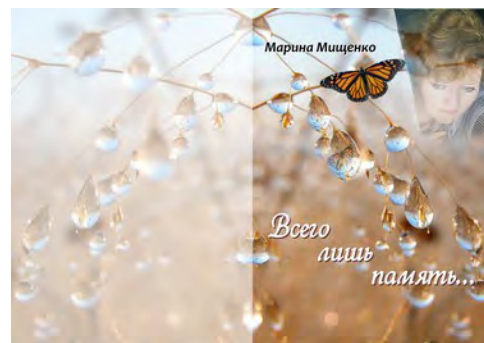
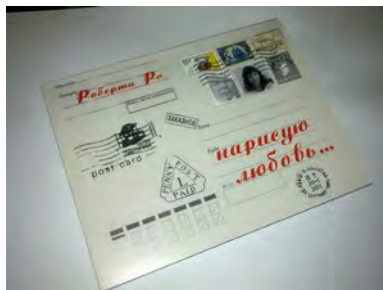
Скорее всего, следующее поколение, которое придет или уже приходит в Интернет со своим творчеством, поставит в конце концов крест на книжно-бумажной словесности и будет относиться к виртуальной действительности как к своей органичной среде. Но нынешнее поколение, выросшее еще до компьютеров или окунувшееся в компьютерный мир уже во взрослом состоянии, воспитанное на книгах, журналах, газетах, – это поколение довольно ощутимо ностальгирует по книгам; причем не электронным, а бумажным. Иной раз в рецензиях встречаешь, среди восхищенных возгласов, комплименты примерно такого рода: дескать, ах, имярек, ты же вполне заслужил(а) сборничек! За этим слышится невысказанное: ну что эти компьютерные экзерсисы, это же так, воздух, книга – другое дело.

И ведь вот что интересно: иной раз этим замечательным людям, поэтам мужского и женского пола, удается-таки каким-то чудом получить сборник. Да, мы живем в такое время, когда за деньги можно напечатать буквально все. Но мне почему-то кажется, что эти поэты избегают издаваться за свой счет: есть в таком «самиздате» – во всяком случае, сейчас – что-то унижительное. Вот если найдется какое-нибудь издательство, какая-нибудь организация, учреждение, которые поймут: то, что ты пишешь, это настоящая поэзия, – и найдут немного денег для издания книжечки...

Автор, который удостоился такого, не преминет со сдержанной гордостью сообщить об этом на сайте: и симпатизантам, и вообще *ubris et orbis*.

В прошлом году мне попались два таких сборника, и я не смог удержаться, чтобы не написать о них. А все, что вы читали выше, – можно считать предисловием к нижеследующей двойной рецензии.

Авторы обоих сборников – женщины (выше я уже отмечал гендерную особенность поэзии – да и не только поэзии – наших дней). Одна из них, насколько можно судить по косвенным свидетельствам, медик, вторая – учительница; т. е. обе не принадлежат к тем социальным группам, которые могут вынуть из жилетного кармана круглую сумму на издание хотя бы небольшой книжечки. (Интересно, что на «Стихи.ру» я не встречал авторов из числа олигархов или, пускай, топ-менеджеров; почему бы это?) Одна из них, Татьяна Каменецкая (на сайте ее псевдоним – *Роберта Ро*)¹, – минчанка. Вторая, Марина Мищенко (псевдоним на сайте – *Мари-Ша*)², живет где-то в Ростовской области; интересно, что сборник ее издан аж в Омске, в Омском Гос. университете: надо полагать, почитатели ее

¹ *Роберта Ро (Татьяна Каменецкая)*. Нарисую любовь... Минск: Изд-во «Зорны Верасок», 2012. 59 с. Тираж 50 экз.

² *Мищенко Марина*. Всего лишь память. Омск: Изд-во ОмГУ имени Ф.М. Достоевского, 2012. 116 с. Тираж 50 экз.

таланта именно там сумели найти какие-то средства для издания книжечки **огромным** тиражом в 50 (пятьдесят) экземпляров.

И вот еще что позволяет, даже заставляет рассматривать эти два сборника вместе, в одной статье. В обеих книжках стихи – это лирика, но лирика несчастной, неразделенной любви, лирика боли, порой крайнего отчаяния. Эта особенность побуждает задуматься. Ведь по логике вещей вдохновение, в том числе и поэтическое, генерируют положительные эмоции. Встретил поэт давнюю симпатию – и для него «воскресли вновь И божество, и вдохновенье, И жизнь, и слезы, и любовь». Все четко и ясно. И даже печаль светла, потому что она «полна тобою».

Но вот в XX веке появляются у нас поэты женского пола, и не просто появляются, а выходят в ряд великих. Но судьбы по крайней мере двух, самых великих: Ахматовой и Цветаевой – это страшные, трагические судьбы. И однако (в кратком предисловии к поэме «Реквием») Анна Ахматова на вопрос женщины «с голубыми губами», стоявшей за ней в тюремной очереди: «А вы можете это описать?» – сказала: «Могу».

Мне почему-то трудно представить, чтобы так ответил наш брат, мужчина. Видимо, нужно признать (хотя я терпеть не могу всяческий феминизм), что есть в женской духовности некая особенность, которая пробуждает в женщине скрытые силы, дает ей крылья как раз в самые тяжелые, самые невозможные моменты. (Собственно, если подумать, то это, наверное, логично, это связано с ролью, с призванием женщины как матери, как хранительницы жизни. Но, опять же, это другая тема.)

Факт тот, что оба сборника, о которых я здесь пишу (и которые – не забыть об этом! – выросли *из* интернет-поэзии, *через* нее, *благодаря* ей), – это тоже реквиемы. Не такие, конечно, монументальные, как ахматовский, не реквиемы по целому поколению, по целой эпохе в жизни страны, растоптанной варварским сапогом¹, насаждающим «счастье» и «справедливость». Эти реквиемы – реквиемы, можно сказать, маленькие, приватные, реквиемы по несостоявшемуся счастью, по неразделенной любви. Но ведь боль, чем бы она ни была вызвана: национальной трагедией, или воспалившимся зубом, или равнодушием обожаемого человека, – все равно боль, все равно мучительное переживание. И опять же остается только поражаться тому, что боль (переживание негативное, разрушительное) порождает прекрасные, гармоничные строки, т. е. нечто позитивное, созидательное.

Если бы подобную метаморфозу мы наблюдали в виде химической реакции, мы бы, конечно, тоже поразились – и долго бы разглядывали пробирку, недоверчиво качали головой, повторяли эксперимент снова и снова; но в кон-

---

¹ Не могу забыть музей, так сказать, социалистической эры на окраине Будапешта, над которым, поставленные на массивный кирпичный пьедестал, царят огромные сапоги – сапоги, оставшиеся от гигантской статуи Сталина, когда поднявшийся против диктаторского режима народ Венгрии свалил гранитного идола с постамента.

це концов привыкли бы к феномену, записав его на счет загадок, которых у природы не счесть.

Душа – это, слава Богу, не пробирка: прекрасное, которое рождается в ней, настолько разнообразно, уникально, неповторимо, что привыкнуть к нему нельзя. И потому оно становится неиссякаемым источником высокого наслаждения для тех, кто восприимчив к поэзии.

Неповторимость свойственна не только каждой отдельной творческой личности: она, к счастью, налицо и в пространстве творчества этой отдельной личности. К счастью – потому что только разнообразие дает постоянную – вот уж именно: неприедающуюся – пищу для эстетического чувства, да и для ума тоже.

Сборник «Нарисую любовь...» Роберты Ро (Татьяны Каменецкой) предельно целен, даже, можно сказать, собран, сосредоточен в своей теме и эмоциональной окрашенности. Личность автора максимально четко выражена даже в дизайне сборника, который имитирует стопку писем (ох, как тут не подходит синоним «почтовых отправлений»!). Стихи набраны изящным, очень «дамским», с завитушками и вензелями, так называемым рукописным шрифтом, – вполне можно представить, что он похож на живой почерк автора. Расположение строк и строф, декоративные элементы на свободных полях страницы – все это напоминает рукоделие, вышивку. Да и сами стихотворения – своего рода миниатюры, состоящие чаще всего из двух (редко – больше) четверостиший, где строки сплетаются в изысканно-незамысловатый рисунок, который приводит к яркому, бьющему по нервам финалу-сюрпризу (в рукоделии такое едва ли возможно: все-таки поэзия – это не рукоделие).

Открывается сборник стихотворением, которое служит своего рода эпиграфом, камертоном к книге, определяя ее главную – даже, можно сказать, единственную – тему.

Май со мной загрустил...
В полуночной тоскующей мгле,
лбом прижавшись к стеклу, чуть
озябшая, слушаю дождь...

И солеными каплями на запотевшем стекле
я пишу тебе письма, которые ты не прочтешь...¹

Как, наверное, любой лирический сборник, эту книжечку трудно разбить на четкие разделы или циклы: здесь все строится на эмоциях, а эмоции текут, как мираж. Тем не менее первый раздел, «Начало», это как бы пунктирная биография любви. Вот ее рождение:

И взгляд твоих усталых глаз ловлю
И ничего вокруг не замечаю...

---

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация при цитировании сохранена.

Нет, я еще пока что не люблю,
Но почему-то я от счастья таю.
(«Начало»)

Вот – кульминация, с немного неловким, но красноречивым названием «Идеально»:

Закат догорел за моим окном —
На землю глядит луна.
И облаком теплым укрыла дом
Полночная тишина.

И замерло время, свернувшись в часах,
И сон, помолчав, ушел.
И руки твои в моих волосах...
Боже, как хорошо...

(Как не сказать в связи с этим: слава Богу, русская поэзия не скупа на стихи – строфы – строчки – о счастье любви. Но такой лаконичной, незамысловатой и в то же время максимально выразительной формулировки я что-то не припоминаю. Если бы сборника не было, а были бы лишь эти восемь строчек – да пусть только последние две! – Роберта Ро уже сказала бы свое неповторимое слово в поэзии.)

Вот, в сущности, и вся «биография» любви, короткая, как любое счастье. Все остальное – долгий эпилог, с всплесками надежды и провалами черного отчаяния, со слезами и периодами смирения. И постоянными, то ли в воображении, то ли по телефону, разговорами с тем, кто был, но остался лишь незаживающей раной в сердце.

***
Нет, никаких проблем: дом, семья, дела,
Много работы. Машину себе взяла,
Дизель, экономична. И дача есть.

***
Нет, погоди. Хоть секунду еще побудь.
Да, к сожалению, прошлого не вернуть.
Я позвоню, конечно.
Целуй семью...

Я не смогла сказать, как я тебя лю...
(«Здравствуй»)

Удивительно, как находит автор все новые и новые способы выражения этого состояния, состояния тоски по несбывшемуся. (На той же Стихире я то

и дело натыкаюсь на страницы, в основном принадлежащие женщинам, где несчастная любовь – реальная или воображаемая, неважно, – становится неисчерпаемым источником великолепной поэзии.) Иногда даже возникает впечатление некоторой нарочитости, чтобы не сказать – пародийности, в передаче душевного дискомфорта:

ты придвинешься поближе
и расскажешь о жене

я не мама
я не сука
я всего тебя люблю

больше ты о ней – ни звука
или я тебя убью
(«Февраль»)

Конечно, все эти острые зубцы и зигзаги, испещрившие поэтическую кардиограмму, – не самый лучший *modus vivendi*, и автор (я не употребляю здесь понятие «лирический герой», потому что, по всей видимости, в данном случае между автором и его лирическим героем – героиней – дистанция минимальна или ее вообще нет) вынужден выработать для себя некую стабильную линию эмоционального поведения: линию, да, будничную, но единственно возможную для живого человека.

...утром все то же – горячий несладкий чай,
Работа (дурдом, а не офис, как в страшном сне...)
Но я продолжаю строить свой тихий рай...
И верю – ведь ты однажды придешь ко мне...
(«А я продолжаю строить свой тихий рай»)

Некоторые строчки Роберты Ро просто невозможно забыть: они навсегда остаются в памяти, как многие строчки классиков.

И семейная идиллия
Не согреет больше кровь...
У нее – твоя фамилия,
У меня – твоя любовь...
(«Горькое»)

Стихи Марины Мищенко рукоделием никак не назовешь: она как поэт куда более стихийна, спонтанна, ее талант прихотлив, порой капризен, ее образы острее, откровеннее, и потому ее радость звучит громче, а боль – отчаянней. Ее поэзия куда более независима от сознания, чем поэзия Роберты Ро, – поэтому с ней иной раз тянет не согласиться. Вот, в стихотворении, открывающем сборник, она декларирует себя так:

Я – тихий звук, растаявший в воде.
Я – то, что не дано тебе исправить.
Я – блик в янтарно-солнечном «нигде».
Я – капелька смолы...

всего лишь память...

Янтарь с застывшей в нем навеки крупницей жизни – прекрасный образ-символ, но автору этого сборника никак не свойственна умиротворенность, неподвижность, тихий ровный блеск, присущий янтарю. Ее бросает в крайности, у нее не любовь, а страсть, не томление, а черная бездна.

Это только с тобой веселюсь невпопад, пустословлю,
Легковесными звуками смеха сорю понапрасну.
Без тебя замолчу, разве только что – выплону с кровью
Полувсхлипом «люблю».

И холодные звезды погаснут.

(«Мы шагнем в пустоту...»)

Если искать у Марины Мищенко строки, которые можно было бы поставить эпиграфом к ее сборнику – и к ее творческой индивидуальности, то наиболее подходящим мне кажется вот это четверостишие:

А там, у воды, в безмятежность спустившись по сходням,
Закутавшись в шарф и ссутулив озябшие плечи,
Застыл у черты между «завтра» и вечным «сегодня»
Счастливой и нежной любовью больной человек.

(«А там, у воды...»)

Этот взгляд на себя откуда-то из бескрайней перспективы – из поднебесья, из космоса, это ощущение себя в виде крохотной частицы, затерянной между глыбами всемогущих и жестоких громад, природных сущностей и душевных состояний, очень характерны для автора. Она часто целиком отдается этому состоянию – но при всем том (и тут нет никакого непримиримого противоречия) не любит быть беспомощной, раздавленной. В мучительном, часто убийственно мучительном напряжении между слабостью и преодолением слабости и рождаются ослепительные разряды вдохновения.

У меня есть дом, где, увы, не ждут,
И не любят вовсе, а лишь хотят.
Иногда жалеют, как тех котят,
Что швырнут на зорьке в глубокий пруд.

У меня есть неба китайский шелк,
А взлететь – нельзя, хоть давно пора.
У меня есть сердце, но в нем дыра,

Оттого, что кто-то навек ушел.
(«У меня есть дом...»)

На фоне такой беспроглядной безнадежности особенно остро и сильно блестят проблески оптимизма, без которого человеку – даже и «человечку» из приведенной выше цитаты – жить никак невозможно.

Наудачу
На ладони подбросишь монету,
Промелькнет озорная усмешка:
Все равно ведь – орел или решка –
Ты меня увезешь на край света.
(«Наудачу»)

Иногда такой переход (в сущности, скачок из негатива в позитив) происходит не просто на одной странице, а в пределах одной строфы, иллюстрируя не только эмоциональную неустойчивость души лирической героини, но и ее способность к бесконечному возрождению из пепла.

Отворенная кровь побежит по ступеням наружу –
В темноту,
    в пустоту,
        в маету,
            в одиночество,
                в стужу,
В нарисованный дом, где за запертой намертво дверью
    я дышу,
        я живу,
            я люблю,
                я надеюсь,
                    я верю.
(«В нарисованном доме...»)

Все-таки не зря же, не по какому-то требованию выражать, скажем так, исторический оптимизм (слава Богу, никто ни перед кем таких требований нынче не ставит), а исключительно по внутренней потребности Марина Мищенко завершает свой сборник своеобразным гимном стойкости и надежды, обращаясь к распространенному, но отнюдь не затертому образу пиратского корабля («Фрегат наш строен и легкокрыл») с развевающимся по ветру Роджером.

От нас, везучих, старуха-смерть
Бежала долой угрюмо.
Чужою кровью мы как вином
Кропили волну беспечно.

Не нам суждено уйти на дно.
Другие уйдут. Мы – вечны!

И был надежен наш такелаж,
А мачты – крепки и прямы.

Нас нет давно.
Но корабль наш
Скользит по волнам упрямо.
(«У паруса есть...»)

Если кому-нибудь придет в голову задать мне вопрос: к какому течению, направлению можно отнести творчество этих двух авторов и многих-многих их сотоварищей из интернет-поэзии и вне ее, – я буду лишь растерянно моргать. Да ни к какому! Или ко всем сразу! Хорошо было поэтам Серебряного века: там сразу можно было понять, к какому направлению относится тот или иной автор. А сейчас? Бог его знает. Нынешние поэты всех уровней впитали опыт двух богатейших столетий – и пользуются ими по своим вкусам, понятиям и потребностям, эксплуатируя его в хвост и гриву, иногда обогащая новыми красками, новыми приемами.

На небе трубно завывают
И сыплют перхоть...
А он сказал, что так бывает
И надо ехать.
(«Надо ехать»)

Такой необычный, смелый образ в стихотворении Марины Мищенко, конечно же, застрянет в памяти у читателя, который совсем не будет ломать голову, что это: имажинизм или, может быть, эгофутуризм?..

Да разве мы размышляем, к какому направлению относится, скажем, Булат Окуджава? Окуджава – это Окуджава. Бродский – это Бродский. Если мы изобретем какой-нибудь термин на -изм, Окуджава нам от этого милее не станет. И Высоцкого мы не станем слушать чаще.

Конечно же, поэты-женщины часто черпают, насколько хватает таланта, у Ахматовой, у Цветаевой, поэты-мужчины – у того же Окуджавы, Слуцкого, Самойлова. Но, повторяю, это, я убежден, совсем не важно. Важно то, что получается.

Мне немного грустно, что мало черпают у Маяковского: Сталин и теоретики соцреализма основательно подорвали его репутацию, хотя он, Маяковский, действительно был самым ярким русским поэтом XX века, больше всего сделавшим для расширения возможностей русской поэзии...

Но, опять же, это не главное: время все расставит по своим местам. Возможно, лет через сто или двести какой-нибудь ярлык найдут и приклеят к

поэзии нашего времени, – вероятно, тогда это станет по какой-то причине важным.

Сейчас, по-моему, важно то, что русская поэзия не свернула в русло верлибра, не отказалась от таких кардинальных для поэзии (не только русской) вещей, как ритм и рифма. В Интернете есть поэты – приверженцы свободного стиха, но, мне кажется, можно со спокойной совестью сказать, что это все-таки исключение. (Возможно, Маяковский все же сыграл свою роль, не соблазнившись «свободой» свободного стиха и не став тем примером, который Сталин бы выдвинул перед советскими поэтами для подражания.)

Разумеется, у интернетовских поэтов, даже у самых лучших из них (а к ним я отношу и двух авторов, чьи сборники были, пусть бегло, разобраны здесь), не все великолепно и безупречно. Но тут встает вопрос, как относиться к «отдельным недостаткам». Небрежности, слабые строки и даже целые произведения можно найти и у классиков, у кумиров. (Осмелюсь лишь в скобках сообщить, что недавно я обнаружил некоторый, что ли, ляп у **самого** Пушкина. Причем в самом что ни на есть хрестоматийном его стихотворении, «Зимнее утро». Помните, поэт предлагает подруге «кобылку бурую запречь»? А через две строки бурая кобылка превращается в «нетерпеливого коня»: то ли дворня плохо исполнила указание барина, то ли барин слишком легко сочинил свой стих.

А у Есенина небрежности можно собирать горстями. Вот хоть его знаменитая «Песнь о собаке»: в первой же строчке – «Утром, в ржаном закуте» – мы видим просто невозможное для поэзии сочетание согласных: мврж. Принесите что-то подобное в любую редакцию – вас выгонят с позором. Я уж не говорю о рифме в первой строфе: закуте – сука.

Когда я поделился этими наблюдениями с кем-то из знакомых, он чуть не кинулся на меня с кулаками: на кого я руку поднял! Не помню, смог ли я ему объяснить, что такие вещи не умаляют величия Пушкина и Есенина, а, скорее, напротив. Солнце остается солнцем, если даже мы обнаружим на нем пятна. Но пусть это остается в скобках.)

В отличие от роты солдат, скорость движения которой определяется темпом ходьбы самого слабого солдата, качество, уровень творчества того или иного поэта определяется его **лучшими** строками: самыми чеканными, самыми меткими, самыми запоминающимися. И, если смотреть на интернетовскую поэзию с такой точки зрения, она не может не радовать. И ощущение, что мы живем накануне нового Серебряного – пусть Бронзового – века у меня не проходит.

Что же касается того факта, что едва ли не большинство поэтов – а особенно поэтесс – выражают в стихах горечь несчастной любви и, шире, горечь несчастной, некомфортной, мрачной, часто лишенной перспектив жизни... Тут тоже есть свое объяснение.

Марина Мищенко пишет:

Все кажется: счастье уроним с ладоней
и будем несчастными.
Но капли, разбившись на сером бетоне,
становятся астрами.
(«Все кажется...»)

И эта благородная – и такая человеческая! – потребность внушает не только уважение, но и даже некоторый робкий оптимизм: может быть, не только поэзия, но и наша непутевая жизнь как-нибудь, когда-нибудь наладится, обретет статус, за который не будет стыдно. Как не стыдно нам перед всем миром за нашу поэзию.

Сведения об авторе:
Юрий Павлович Гусев,
литературовед, переводчик,
докт. филол. наук
ведущий научн. сотрудник
Институт славяноведения РАН

Yuri Gusev,
literary critic, translator,
Doctor of Philology
Leading Scientific
Institute of Slavic Studies RAS